

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПАВЕЛ
КРУСАНОВ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАР

Роман



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К84

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*

Крусанов, Павел Васильевич.

К84 Железный пар : роман / Павел Крусанов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 283, [5] с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-098811-2

Павел Крусанов — прозаик, коренной петербуржец, в юности играл рок-н-ролл, в зрелости стал одним из лидеров «петербургских фундаменталистов», автор книг «Укус ангела», «Американская дырка», «Бом-бом», «Мёртвый язык», «Царь головы». Финалист премии «Национальный бестселлер».

Герои нового романа «Железный пар» — братья-близнецы. Один — реставратор старинных книг, одержим идеей выведения новой, безгрешной, человеческой породы. Чтобы заинтересовать сильных мира сего своим проектом, ему необходимо переплести свой трактат, используя чудодейственный материал, естественные элементы которого можно добыть только в Таджикистане, в горящих копиях Ягнобской долины. Воплотить эти идеи в жизнь ему поможет брат: он собирает экспедицию и отправляется в путешествие, которое изменит их судьбы, а, может быть, и всего человечества...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098811-2

© Крусанов П. В.
© ООО «Издательство АСТ»

...«укрепить веру посредством знания» — это всё равно что познать гвоздь до такой степени, чтобы это познание можно было вбивать в стену вместо гвоздя. Подобно тому как вбивают гвоздь, а не знание о нём, так верят верой, а не знанием о ней, и любят любовью, а не психоаналитической эрудицией; так же, впрочем, и жизнью живут.

А. Секацкий. Место невысказанного

Лев Николаевич прочёл Ваши стихи и нашёл их очень плохими.

*Типовой ответ секретаря Л. Н. Толстого
авторам поэтических рукописей
(предание)*



— В последний раз, — виноватый голос матери. — В самый распоследний...

— Слышали, — это голос отца, приглушённый длиной коридора. — Знаем.

— Что ж, Витенька, знать-то? Что знать?

— «Витон» был? Зуделка на электрической тяге? Исцелилась?

— Способствовало. Ей-богу, способствовало.

— Почему бросила?

— Стадия уже такая, что «Витон» не берёт. Им при первой стадии хорошо...

— «Кандадзя» был? — наступал отец. — Изделие китайских хунвэйбинов? Тряслась на

нём — стены ходуном ходили. Коллайдер, чистое дело. Помогло?

— Это другое совсем — массаж ступней. На них воздействуешь, и укрепляются отделы организма...

— Теперь на шкафу пылится?

— Так глазной запретил. Из-за глаукомы. Высокое в глазу давление. Никаких резких движений и встрясок, а то нерв умрёт.

— Бальзам лошадиный втирала? — Сарказм отца убийственен — ему восемьдесят два, но у него хорошая память. — Кислоту в коленки колола? Прищепки цепляла на уши? Биокорректор свой? Пицал, как мышь. Голова, небось, киселём полна — столько электричества сквозь мысли пропустила...

— Что ты говоришь такое, Витенька? — В голосе матери удивление, трогательное и беззащитное. — Это для контроля. Следить за состоянием баланса энергий и природных сил.

— А что тебе теперь на уши повесили? Сколько тыщ на ветер выбросить готова?

— Почему же на ветер, Витенька? Почему на ветер? По радио передача была: новый прибор, научная разработка...

Я знал — отец проиграет эту битву. Верх одержит *мягкая сила*.

У матери болели колени — артроз, перерождение хрящевой ткани. Вылечить нель-

зя. Можно лишь снять воспаление и приглушить болевые симптомы.

Или — операция по замене сустава.

Мать не хотела операцию — шарлатаны в эфире то и дело обещали чудесную помощь: хрящ восстановит эластичность, суставам вернётся молодость — хоть по лестнице скачи через ступеньку. Мать принимала этот вздор за чистую монету.

А ведь увериться в тщете целителей и их услуг — и патентованных, и мнимых — имела случай на примере сына. Брата моего, Руслана. Мы с ним — близнецы. С Русланом чуда не случилось, как ни пытались врачевать его расколотую голову. Профессора смотрели, потомственная колдунья Марфа выделявала пучком петрушки пассы — всё впустую.

Но про себя мать знала точно — чуду быть.

Сквозь жизнь она, не расплескав, пронесла неистребимое доверие к людям — была готова поверить на слово первому встречному проходимцу. Пользуйся, мать, Интернетом и умей читать sms, дом был бы доверху завален чудодейственным хламом. А так — ещё ничего, есть куда ступить.

Отец не доверял никому. В первую очередь — оппозиционным политикам и рекламе.

В каждом явлении жизни отец видел сначала скверную сторону, после чего уже не пытался искать хорошую. Всё мало-мальски путное осталось для него в прошлом. Он жил в мире одноликих вещей, и физиономия их была ему неприятна.

За одним исключением — из бывшего времени в нём крепко, как свая, сидела вера в праведность верховной власти.

Конструктор старой школы, он неплохо зарабатывал. Молодые управленцы не отпускали его из конструкторского отдела даже сейчас, хотя он уже двадцать два года как законно вышел на пенсию.

Испытывая недоверие к новинкам, компьютером пренебрегал, так и стоял за кульманом. Потом пустоголовая юность оцифровывала его ватманы.

Отец работал всю жизнь. В эвакуации мальчишкой пас свиней. Потом завод, рабфак, вечерний институт без отрыва от станка. Потом — КБ. Ведущий конструктор.

Трижды его сбережения оборачивались прахом, и всякий раз он восстанавливал потери, не теряя веру в обманувшую его власть. Каждый удар он принимал как кару богов — жестокою, но справедливую.

Другое дело — рекламные прохвосты. Отец был уверен: мать одурачат, она опять

ждёт чуда от бесполезной горсти мусора на батарееке, деньги улетят в трубу.

Но он прожил с матерью пятьдесят лет. Он любил её.

Старики — особенно старики — умеют любить не тело, но то, что в нас не поддаётся изменению. Тело — только сосуд, в который мы способны или не способны влить по горлышко свою любовь.

Мой отец любил мою мать — терпкой любовью пятидесятилетней выдержки.

Поэтому он проиграет эту битву. Если, конечно, в этом обстоятельстве можно заподозрить статус события.

— Ну самый распоследний... — слышалось из кухни.

— «Алмаг» был? — упорствовал отец. — Так намагнитилась, что поварёшки прилипали.

Вчера, первого мая, я отвёз жену и сына в деревню.

Родители приедут туда сами, восьмого, — пятого и седьмого мать была записана на приём к главному и суставному магам.

Пока сын, не отрываясь от айфона, куролесил в соцсети, я бросил насос в колодец, протянул шланг, накачал воды, подключил

газовый баллон к плите, отомкнул сарай, принёс к печи дров, затопил.

Потом сел в машину — пора было возвращаться в СПб. Пути — пять часов, доберусь уже ночью.

Аня и сын остались. Надо прибрать одичавший за зиму дом, перемыть полы, смести паутину, проветрить матрасы, одеяла, подушки.

Простились у забора.

Теперь второе мая, вечер.

Пенка. Спальник. Бельё. Надувная подушка. Нож. Берцы. Зарядка телефона... Где зарядка?

Я собирал в комнате рюкзак.

То есть разбирал. Чтобы затем сложить манатки заново, сверяя наличие вещей со списком. Через три часа мой самолёт. Через час подадут такси. Самое время убедиться в том, что что-то всё-таки забыл.

Трекинговые палки. Кружка. Миска. Штаны. Ветровка. Ещё штаны. Батарейки. Фонарь... Чёрт возьми! Куда подевался фонарь?

Самолёт прибывал в Душанбе в три часа ночи. В салоне, кроме меня, только четверо русских. Всем русским на регистрации дали места у аварийных выходов. Здесь расстояние между рядами кресел шире, и можно вытянуть ноги.

Спросил стюардессу: попечение о соотечественниках? «*Эти* даже инструкцию прочесть не могут, как с аварийным люком обращаться, — сказала небесная дева. — И баулы в проходах громоздят».

Техника безопасности, и только.

Так и сидел все четыре с половиной часа — до дачи еду дольше — один в трёх креслах. Мог бы улечься и вздремнуть, но сон не шёл — читал Джареда Даймонда, естествоиспытателя широкого профиля с цирковой фамилией.

Автор, упиваясь собственной дерзостью, оспаривал превосходство европейцев перед дикарями, а у самого амбиции раздуты, как печень у пьяницы:

«Любому человеку, будь он самый закоренелый расист или антирасист, совершенно очевидно, что историческое развитие привело разные народы к разным результатам. Современные Соединённые Штаты — общество, сформированное европейцами, населяющее земли, отвоёванные у коренных американцев, и включающее в себя потомков миллионов чёрных уроженцев субсахарской Африки, привезённых в Америку в качестве рабов. Между тем современная Европа не является обществом, сформированным чёрными уроженцами субсахарской

Африки, которые когда-то завезли в неё миллионы рабов-индейцев».

Это промежуточный итог, Европа, у тебя ещё всё впереди.

Пока самолёт выруливал с посадочной полосы к терминалу, включил телефон и позвонил Фёдору. Он с тремя товарищами прилетел из Новосибирска накануне и обещал встретить меня в аэропорту.

Фёдор ответил сонным голосом. Похоже, мой звонок разбудил его. Ну вот, подумал, теперь придётся торчать здесь, пока он не раскачается.

У трапа погрузились в автобус, и тот мягко, по-кошачьи покотил сквозь жгучую таджикскую ночь к огням аэропорта.

Получив багаж и выбравшись из дверей закрытой зоны, тут же угодил в объятия Фёдора. Вот те на... Разыграл?

Рядом с Фёдором стоял коренастый таджик — круглое приветливое лицо, большая залысина и густые, без ухищрений усы.

Фёдор представил: Азим.

Как позже выяснилось, мать Азима была русской, а сам он защищал докторскую по орнитологии в Новосибирске, в академическом институте, где Фёдор в то время заведовал лабораторией. С тех пор они дружат и при случае помогают друг другу по учёной части. Да и просто по жизни.

Азим дал Фёдору ключи от квартиры сестры, уехавшей на месяц с мужем и дочкой к свёкру в Курган-Тюбе, так что проблема базового лагеря решилась наилучшим образом.

На стоянке аэропорта Азим открыл багажник «опеля», я забросил рюкзак, и мы понеслись сквозь азиатскую тьму, разрезая её фарами, как чёрное масло.

В квартиру Азим подниматься не стал, простились во дворе возле огромного дерева с лапчатыми листьями.

Товарищи Фёдора спали. Мы же, прежде чем рухнуть на пол, застеленный пёстрыми и узкими матрасами-курпачи, выпили чайник чая и полбутылки привезённой мной «Столичной». Не ради веселья, а, как в ночном поезде, парно стучащем колёсами на стыках рельсов, — ради скорого бестревожного сна.

Ночь за окном была густа. Разговор — приветлив и спокоен. Придушенный тьмой город тут и там озаряли многоцветные огни, о которые было не страшно обжечься.

Из тетради Грошева

...такая красивая. Нет — прекрасная! Просто прекрасная! Я опасаюсь ходить под её окном, когда оно открыто (оно открыто